Неромантичный мир

Коридор пахнет холодным воском и мокрой шерстью. Пальто на крючках висят, словно вторая дверь, пытающаяся удержать ноябрь. Где-то щёлкает чайник, где-то мигает телефон — и свет выдыхается, погасая так просто, будто ему надоело держаться. В этот короткий провал между двумя щелчками и помещается

главная фраза: эту войну нужно остановить. Не ради величия, не ради победного жеста, а потому что иначе она сожрёт всё, что ещё может называться будущим.

В конце ноября сотни тысяч людей на Украине снова сидели в темноте после одного-единственного удара. Электросеть давно перестала быть системой — она стала загнанным животным. Люди измеряют

жизнь не днями, а часами тепла.

Гражданские потери идут месяц за месяцем в одном и том же ритме: убитые, раненые, разрушенные семьи. Никакого драматического пика — только медленное, упрямое разрушение, капля за каплей вымывающее общество.

А на линии фронта цифры превращаются в тела.

В России — более ста тысяч подтверждённых поимённо погибших, собранных независимыми журналистами: имя, фото, могила. За этими списками стоят оценки в сотни тысяч убитых и раненых. Это не стратегия. Это вымирание по норме.

На Украине — десятки тысяч погибших, сотни тысяч раненых. Люди за сорок,

родители, мастера, учителя — те, кто должен был бы быть опорой общества, а не его топливом. Призывной возраст снижен, но ряды всё ещё состоят из тех, кто должен был жить, растить, строить.

Арифметика не знает патетики. Она знает только нисходящие линии.

И потому рамка должна быть шире. Эта война не

возникла в пустоте. Её контуры вычерчены в тени XX века. Двор ленинградской коммуналки — хлебные корки, холодные стены, лица, пережившие блокаду — здесь присутствует не как оправдание, а как объяснение страха, который определяет российскую внешнюю политику. СССР потерял десятки миллионов. Ленинград — сотни тысяч. Такой опыт превращается в

нерв, в рефлекс, в доктрину. Его нельзя игнорировать. Но им нельзя и оправдывать вторжение. Это разные плоскости.

Память столкнулась с современной дипломатией. Мюнхен 2007 — голос об окружении. Бухарест 2008 — обещание, что Украина и Грузия «станут членами НАТО». Для одних — защита. Для других — сигнал тревоги. Истина здесь не

посредине, но она двойная: страны вправе выбирать свой путь; границы не переписываются ракетами. Перемирие должно остановить огонь, не убивая этот принцип.

И сама Украина внутренне истощается. Чрезвычайное положение тянется от месяца к месяцу. Выборы заморожены. Единый круглосуточный телемарафон, задуманный

как знак единства, всё чаще вызывает сомнения. Мобилизация расширяется. Посреди всего — коррупционные скандалы, громкие и упорные, даже в военное время. Всё это нужно учитывать — не для того, чтобы ослабить страну, а чтобы будущее не построилось на гнилой основе.

Европа платит — и много. Пятьдесят миллиардов евро

на годы вперёд — это не жест, это ответственность. Поддержка должна идти вместе с требованием прозрачности. Солидарность не равна слепоте.

Как может выглядеть неромантичный мир?

Не как великое примирение эпох. А как набор необходимых мер. Контролируемое

прекращение огня, которое останавливает гибель сейчас. Запрет на удары по энергетике, воде, больницам — с автоматическими последствиями за нарушение. Обмен пленных и возвращение тел как обязательный процесс, а не эпизод. Сроки действия чрезвычайных полномочий. Финансовые потоки только через проверку. Временные гарантии безопасности, делающие нарушение

слишком дорогим, не притворяясь, будто все вопросы решены.

Это не мечта. Это — холодное искусство спасения. Способ сохранить то немногое, что ещё можно собрать завтра.

Противоположный аргумент — что только абсолютная победа достойна — звучит красиво. Но фронт читает не речи. Он читает статистику.

Он читает города без молодых. Он читает пустые роддома, остывшие подстанции. Сейчас время дышать. Потом будет время говорить о справедливости.

И если цена прекращения огня окажется в том, чтобы погладить чьё-то чрезмерное эго — пусть так. Если Дональд Трамп действительно сможет заключить настоящее перемирие, пусть получает

свой Нобель. Пусть в Осло думают, как это выглядит. Если меньшее число похорон зависит от одной большой медали — то это честная сделка.

Пора заканчивать. Даже если больно. Заканчивать правилами, которые держат, а не надеждами, которые рассеиваются. Заканчивать, чтобы дети помнили зиму по снегу — а не по звуку умирающего генератора.